



## Охота с министром СССР С.А. Афанасьевым

Текст: **Василий Балакин**

*Василий Балакин*

22.1X.20217



В начале зимы 1965 года начальство поручило мне организовать охоту министру общего машиностроения, депутату Верховного Совета СССР, лауреату Государственной премии СССР Сергею Александровичу Афанасьеву. Охота должна была состояться на территории Софринского научно-испытательного полигона в районе города Красноармейска Московской области. Полигон имел размеры 6х21 км. Здесь водилась разнообразная дичь: рябчики, вальдшнепы, куропатки, тетерева, зайцы, лисы, еноты, кабаны и лоси. Да и окружающие полигон леса еще сохраняли свои девственность и труднодоступность. Охотничьи требования соответствовали правилам охоты в Пушкинском районе Московской области. Лицензии требовались лишь на глухарей, кабанов и лосей.

Я начал готовить охоту на мелко-травчатых с использованием четырех гончих собак Михаила Потапова со специально подобранными разными голосами.

Потапов был аборигеном здешних мест, родился в конце XIX века в доме лесника – задолго до появления полигона и северной части Красноармейска. Дом находился в сосновом бору, а южнее – вдоль речки Воря, притока Клязьмы – уже была построена казенная ткацкая фабрика, выпускающая кирзу для сапог, бараки, больница и начальная школа.

Все детство и юность Миша провел в лесу и на реке, где было из-

обилие ягод, орехов, дичи и рыбы. Очень много было глухарей.

В четырех километрах от дома, если по тропе идти на восток, находился Косьюковский женский монастырь. Около него – два искусственных озера, полных рыбы. В 1840 году здесь побывал Алексей Толстой, написавший историческое произведение «Князь Серебряный». Князь когда-то находился на службе у царя Ивана Грозного. О женском монастыре в произведении сказано: «расположен в глухом лесу».

После октябрьского переворота, в 1922 году, монастырь закрыли, а его помещения стали использовать в качестве военно-охотничьей базы. Потапов устроился здесь работать егерем. Он ухаживал и натаскивал на дичь породистых собак, водил на охоту военачальников разного ранга: и Тухачевского, и Якира, и многих других.

В 1934 году сюда приезжал и нарком обороны страны Ворошилов. Было принято решение о строительстве в этом краю артиллерийского полигона и города Красноармейска. Первым объектом полигона стал дом Потапова, которого с семьей переселили в барак у фабрики, выделив комнату с печным отоплением. Рядом дали небольшой огород и сарай для собак и дров. Сразу же началась вырубка лесов, сносы с лица земли Косьюковского монастыря и деревень, оказавшихся на территории трассы.

Михаила устроили работать лесником на полигоне. Он постоян-

но содержал гончих собак. Желавших поохотиться с ним было много, в т.ч. и из Москвы. Но это можно было делать вне территории полигона. А на трассе – лишь в свободные от стрельбы дни и на разрешенных для этого ее участках.

В ноябре по чернотропу мы с Михаилом и его собаками уже два раза устраивали охоты на двенадцатом и четырнадцатом километрах трассы. В декабре лег снег. И вот мне сообщают, что министр Афанасьев приезжает на охоту в воскресенье утром – за несколько дней до нового 1966 года. Я предупреждаю об этом Потапова. В субботу на машине ГАЗ-69 еду на трассу, чтобы прочитать следы зверей на снегу, а также чтобы оценить проходимость машины по лесным дорогам. За проходной на северо-восток идет центральная асфальтовая дорога, пересекая по насыпям овраги и ручьи. Вся левая сторона трассы размером 1х21 км считается воспроизводственным участком. Всякая охота на ней была запрещена. Охотники Красноармейска это правило знали и строго соблюдали, добровольно выполняя функции инспекторов и сторожей.

Слева и справа от асфальта тянулись сосново-еловые боры. Через каждый километр пути – просеки, занесенные снегом. На четвертом километре включили оба ведущих моста, повернули направо, форсировали снежную обочину и, проехав четыреста метров по крупному лесу,



выехали на трассу размером 4×21 км. Эта территория представляла собой пересеченную местность с возвышенностями, низинами, долинами ручьев, покрытую мелколесьем, полянами и кустами. Поднявшись на возвышенность, где был когда-то Коськовский монастырь, увидели заячьи тропы: и на озерах, и в кустах, и в сторону березняков с осинниками. Немного покрутившись здесь, вернулись на асфальт.

Аналогичным образом осмотрели десятый, двенадцатый и четырнадцатый километры трассы.

Вечером с Михаилом обсудили план предстоящей охоты. Выпавший снежок добавил нам настроения.

В семь часов утра мы уже были у проходной с собаками. Подошел ГАЗ-69. Внутри его кузова за передними сиденьями – две лавки вдоль бортов. Знакомый шофер – не охотник – приветливо махнул рукой. Появился начальник охраны и сказал, что гости уже в пути. В те времена от центра Москвы, да еще рано утром в воскресенье, не более сорока минут езды. Но вот засветились фары, и подъехала «Волга» черного цвета. Из нее вышли двое. Один чуть выше среднего роста, молодежавого вида, другой – заметно старше и крупнее, с пенсне на глазах. Одеты в унты, теплые куртки и штаны. Подошли к нам, поздоровались:

– Сергей, – сказал тот, кто был помоложе.

– Николай, – протянул руку другой.

Мы представились:

– Миша, Вася.

Обе машины въезжают за ворота. Гости достают ружья в чехлах, патронташи и рюкзаки.

Обращаю внимание на то, что никого из местного начальства здесь нет.

– Раз не встречают – значит, заперчено, – мелькает мысль.

Говорю:

– Охотиться будем на зайцев-беляков.



– Прекрасно, – отвечают гости, осматривая собак.

Откинув переднее правое сиденье, в машину сначала заводим собаку, потом влезает Потапов, затем Сергей со словами:

– Николай, сядешь рядом с водителем, потом я – за спиной Николая, чтобы в свете фар видеть следы на снегу.

На четвертом километре сворачиваем направо. Колеса погрузились во вчерашнюю колею, однако два ведущих моста хорошо двигают машину. Светает. На колею появился свежий след в нашем направлении и свернул направо.

Выходим из машины и собираем ружья. Потом я веду гостей по покрытым снегом озерам, предлагаю выбор самим мест-засад. Показываю вчерашние следы машины, по которым можно передвигаться в соответствии с направлением гона собак.

Потапов спускает гончих с поводков, пальцем тыкая в снег. Альма нюхает след, дает голос и скачками направляется в молодой осинник. За ней, изредка полаивая, и остальные собаки. Для меня все это выглядело в душе как налаживание струн к музыкальному концерту квартета. Михаил пошел вслед за собаками.

Совсем рассвело. Небо покрыто облаками. Небольшой морозец. Безветренно. И вдруг совсем недалеко,

в районе бывшего монастыря, раздается истошно истерический вопль Мишиных собак, быстро перемещающийся вправо к машине.

«У-у, у-у» – мощно гудит Гром, «ав, ав» – слышно Альму, «а-а-ай, а-а-ай» – стонет Найда, «сии-сии» – на высоких тонах повизгивает Лада. Собаки в узерку погнались беляка.

Жду выстрела, но его нет. Косой проскочил между машиной и Николаем, который стрелять не стал. Шофер потом сказал:

– Увидев зайца, я залез под руль: ведь могут ненароком и убить.

Заяц же попался ушлый. Он завел собак в низину с густым островом леса, растущего между воронками от взрыва реактивных снарядов после залпа «Катюши». В этом острове с кучами хвороста и пригнутыми снегом к земле кустами лозняка и высокой травы беляк и спрятался.

Темп лая квартета перешел на поисковый. Подошел Потапов со словами:

– Иди помоги собакам.

Добравшись до острова, я стал вдохновлять собак криками:

– Давай! Давай! Ищи! Ищи!

Пригибаясь низко под кустами, приподнимая траву и переступая коряжник, стал ходить, затапывая следы зайца. Здесь были такие лазы, что собакам не пройти. Наконец, косой выскочил, и опять азартно заиграл квартет Потапова.





## ПРАКТИКА ОХОТЫ



Гон через поле пошел обратно к охотникам, покрутился там с полчасика и снова перешел к ритму поиска в районе утренней лежки. Я подошел к Николаю. Он, смущенно улыбаясь, виноватым тоном голоса сказал:

– Пока протирал стекла пенсне, прозевал зайца, – и покрутил перед собой пальцем.

От кустов прямо к охотнику и обратно назад шел гонный след беляка. Не добежал всего три метра и вернулся, где его снова в узерку перехватили собаки. Вскоре гон возобновился, и заяц вновь увел стаю к воронкам. Лай затих.

Подошел Сергей со словами:

– Нужно бы перекусить.

На снегу расстелили скатерть, достали термосы, министерскую закуску. Я положил и свою. Пригласили к столу Мишу и шофера. Потапов, подудев в ствол, вернул собак и привязал их к бамперу машины. Я наблюдал, как бывший егерь с достоинством и удовольствием обедал. Он не задавал никаких вопросов и очень кратко отвечал на вопросы гостей. Оказалось, что Николай владел информацией о бывшей военно-охотничьей базе в Коськовском монастыре, на месте которого мы сейчас находились. Знал о Потапове и его собаках. Михаил говорил, что в те времена глухарей здесь было больше, чем зайцев. Один из известных тогда в тридцатых годах комендоров приезжал сюда несколько

раз на глухариные тока. В последний раз он выглядел рассеянным, задумчивым и пропал. Его вскоре нашли – покончил с собой.

Я уже слышал про те охоты и, изредка поглядывая на Сергея, думал совсем о другом: как сложно этому молодому министру руководить Главным Конструктором космических ракет, академиком, дважды Героем Социалистического Труда Сергеем Павловичем Королевым. Сергей Павлович был старше Афанасьева на 11 лет и знал, что американцы (так он называл ракетчиков США) начали опережать СССР в развитии ракетной техники и скоро побываю

на Луне. Совсем недавно он решал все свои вопросы с лидером страны – Никитой Хрущевым – прямо по телефону.

Леонид Брежнев, оказавшийся у власти тогда, так делать не хотел, поручив «напор» Королева держать Афанасьеву. А Сергей, не имея больших возможностей в удовлетворении запросов Главного Конструктора, стал заставлять его со свитой подолгу сидеть на стульях в приемной своего кабинета. Про это я тогда слышал, но не мог и предположить, что жизнь внесет свои неожиданные коррективы: Королев вскоре умер, а Афанасьев стал дважды Героем Социалистического Труда и министром тяжелого и транспортного машиностроения СССР.

Однако вернемся к охотничьему столу. Все пьют кофе и закусывают бутербродами с копченой московской колбасой. Настроение прекрасное. Решаем сменить место охоты. Садимся в машину и переезжаем на четырнадцатый километр трассы. Сразу же видим свежий след зайца, ведущий в овражистый кустарник у реки. Сергею с Николаем показываем направление предполагаемого гона. Сами же с егерем пошли по следу. Вскоре заиграл гон с разными голосами: и в узерку, и без узерки, и поисковый. Играл долго и без

перерыва. Заяц приходил также к нам с Потаповым, но мы не стреляли, а криками «Во! Во!» усиливали азарт гона. Вскоре прозвучали два выстрела. Заяц по колее набежал прямо – везет же – на Николая. Первый выстрел он сделал метров за десять до цели, чтобы не зацепить погоню, второй – за пять, но мимо. Потом еще попытался ударить ногой как по мячу. Потом, падая назад, хотел руками поймать косога, но беляк увернулся и исчез в кустах. Бежавшие следом собаки чуть не сбили встающего на ноги охотника обратно в снег. Я пошел к Афанасьеву, который тоже успел побегать по вчерашней колее. В двух местах ее пересекали следы гонцов, но было далековато для стрельбы. Сергей стоял на краю кустарника спиной к закату солнца. Напротив него за неширокой ложиной начинался склон к возвышенности, где росла группа невысоких ветвистых сосен. Я остановился метрах в шестидесяти, не доходя до Афанасьева. На склоне уже обозначилась полоса заходящего за горизонт солнца, которая на глазах быстро тускнела. И вдруг я увидел! Нет, не зайца! Его белая шуба слилась с фоном снега. Я увидел ямки от следов, перемещающиеся направо от меня. И сразу же выстрел. Министр подбежал к своей добыче, поднял за задние лапы беляка и со светящейся улыбкой подошел ко мне. В это время собаки еще продолжали идти по следу с лаем. Появились Потапов и Николай. Из небольшой фляжки я налил стопку и подал ее егерю.

– На крови! – сказал он и с удовольствием выпил.

Уже затемно сели в машину и через полчаса оказались у ворот проходной. Попрощались с гостями.

На ГАЗ-69 егерь с собаками уехал домой. Ну а до моей квартиры было всего пять минут хода. ■